

... Мы недавно поженились. Еще ходили по улице и держались за руки, даже если в магазин шли... Я говорила ему: «Я тебя люблю». Но я еще не знала, как я его любила... Не представляла... Жили мы в общежитии пожарной части, где он служил. Это была его служба. Всегда я в курсе: где он, что с ним? Среди ночи слышу какой-то шум. Выглянула в окно. Он увидел меня: «Закрой форточки и ложись спать. На станции пожар. Я скоро буду».

Самого взрыва я не видела. Только пламя. Все словно светилось... Все небо... Высокое пламя. Копоть. Жар страшный. А его все нет и нет. Уехали они без брезентовых костюмов, как были в одних рубашках, так и уехали. Их не предупредили, их вызвали на обыкновенный пожар...

В семь часов мне передали, что он в больнице. Я побежала, но вокруг больницы уже стояла колымага милиции, никого не пускали. Одни машины «Скорой помощи» заезжали. Милиционеры кричали: «Машины зашкаливают, не приближайтесь!» Я бросилась искать свою знакомую, она работала врачом в этой больнице. Многие врачи, медсестры, особенно санитарки этой больницы через какое-то время заболеют... Умрут... Но никто тогда этого не знал...

В десять утра умер оператор Шишенок... Он умер первым... Мы узнали, что под развалинами остался второй - Валера Ходемчук. Так его и не достали. Забетонировали. Но мы еще не знали, что они все - первые...

Спрашиваю: «Васенька, что делать?» - «Уезжай отсюда! Уезжай! У тебя будет ребенок». А я - беременная. Но как я его оставлю?

Врачи почему-то твердили, что они отравились газами, никто не говорил о радиации. А город заполнился военной техникой, перекрыли все дороги... МЫЛИ УЛИЦЫ КАКИМ-ТО БЕЛЫМ ПОРОШКОМ... Военные ходили в респираторах... Горожане несли хлеб из магазинов, открытые кульки с булочками... Пирожные лежали на лотках...

Вечером в больницу не пропустили... Солдаты, уже стояли солдаты, нас отталкивали. Тогда вышел врач и подтвердил, что они полетят на самолете в Москву, но нам нужно принести им одежду, - та, в которой они были на станции, сторела. Автобусы уже не ходили, и мы бегом через весь город. Прибежали с сумками, а самолет уже улетел... Нас специально обманули... Чтобы мы не кричали, не плакали...

К вечеру у меня открылась рвота. Я - на шестом месяце беременности. Мне так плохо...

Ночью сплю, - он меня зовет, пока он был жив, звал меня во сне: «Люся! Люсенька!» А когда умер, ни разу не позвал. Ни

разу... (Плачет.) Встаю я утром с мыслью, что поеду в Москву. Сама... «Куда ты такая?» - плачет мать. Собрали в дорогу и отца. Он снял со сберкнижки деньги, которые у них были. Все деньги.

Шестая больница - на «Щукинской»... В эту больницу, специальная радиологическая больница, без пропусков не пускали. Кого-то опять просила, молила... И вот сижу в кабинете у заведующей радиологическим отделением. Она сразу меня спросила:

- У вас есть дети?
Уже понимаю, что надо скрыть мою беременность. Не пустит к нему! Хорошо, что я

худенькая, ничего по мне заметно.

- Есть, - отвечаю.
- Сколько?

Думаю: «Надо сказать, что двое. Если один - все равно не пустит».

- Мальчик и девочка.

- Раз двое, то рожать, видно, больше не придется. Теперь слушай: центральная нервная система поражена полностью, костный мозг поражен полностью...

«Ну, ладно, - думаю, - станет немножко нервным».

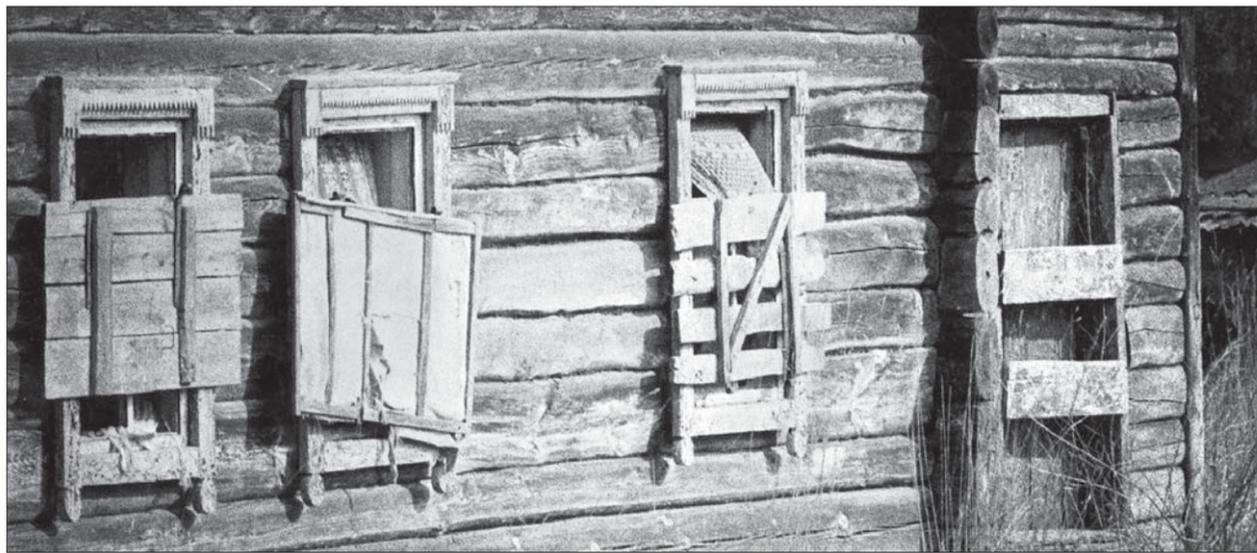
Встретил я тогда много хороших людей, я не всех запомнила... Мир сузился до одной точки... Укоротился... Он... Только он... Помню санитарку, которая меня учила: «Есть болезни, которые не излечиваются. Надо сидеть и гладить руки».

Через три дня предложили, что можно жить в гостинице для медработников, на территории самой больницы. Боже, какое счастье!!

КОГДА МЫ БЫЛИ

ЧАЭС любви

Из «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич

- Но там нет кухни. Как я буду им готовить?

- Вам уже не надо готовить. Их желудки перестают воспринимать еду.

Он стал меняться - каждый день я встречала другого человека... Ожоги выходили наверх... Во рту, на языке, щеках сначала появились маленькие язвочки, потом они разрослись... Пластами отходила слизистая... Пленочками белыми... Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серобурый... А оно такое все мое, такое любимое! Это нельзя сказать! Это нельзя написать!

Девятого мая... Он всегда мне говорил: «Ты не представляешь, какая красивая Москва! Особенно на День Победы, когда салют. Я хочу, чтобы ты увидела». Сажу возле него в палате, открыл глаза:

- Сейчас день или вечер?
- Девять вечера.
- Открывай окно! Начинается салют!

Я открыла окно. Восьмой этаж, весь город перед нами! Букет огня взметнулся в небо.

- Вот это да!

- Я обещал тебе, что покажу Москву. Я обещал, что по праздникам буду всю жизнь дарить цветы...

Оглянулась - достает из-под подушки три гвоздики. Дал медсестре деньги - и она купила.

Мне не разрешали его обнимать... Но я... Я поднимала и сажала глаза... Перестилала постель... Ставила градусник и вынимала... Приносила и уносила судно... Об этом никто ничего не говорил...

Вызвали всех его родственников. Младшая Наташа, ей было четырнадцать лет, очень плакала и боялась. Но ее костный мозг подошел лучше всех... (Замолкает.) Я уже могу об этом рассказывать...

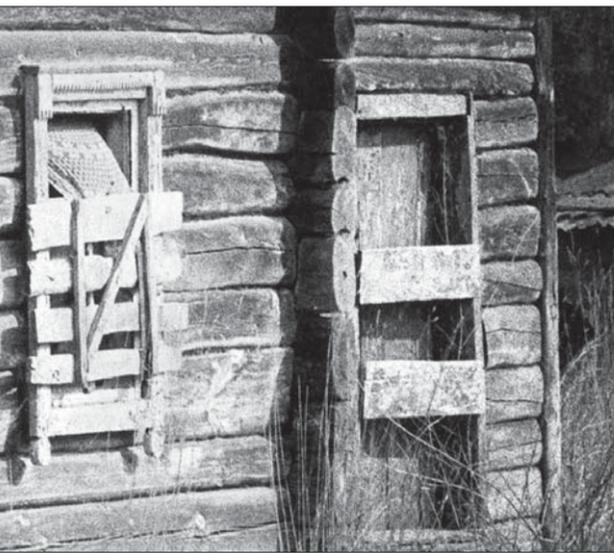
Раньше не могла... Я десять лет молчала... Десять лет. (Замолкает.)

Когда он узнал, что костный мозг берут у его младшей сестрички, наотрез отказался: «Я лучше умру. Не трогайте ее, она маленькая». ...Ему стало так плохо, что я уже не могла отойти, ни на минуту. Звал меня постоянно. Звал и звал... Стул двадцать пять - тридцать раз в сутки...

ЧАЭС любви

Из «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич

- Тогда, если родится мальчик, пусть будет Вася, а если девочка - Наташка.

Пока я с ним... Этого не делали... Но, когда уходила, его фотографировали... Одежды никакой. Гольи. Одна легкая простыночка поверх. Я каждый день меняла эту простыночку, а к вечеру она вся в крови. Поднимаю его, и у меня на руках остаются кусочки его кожи, прилипают. Выйду из палаты в коридор... И иду на стенку на диван, потому что я их не вижу. Говорю дежурной медсестре: «Он умирает». Она мне отвечает: «А что ты хочешь? Он получил тысячу шестьсот рентген, а смертельная доза четыреста. Ты сидишь возле реактора».

Дальше... Последнее... Помню вспышками... Обрыв...

В то утро Таня Кибенок так меня просила, молила: «Поедем со мной на кладбище. Я без тебя не смогу». В то утро хоронили Витю Кибенка и Володю Правика...

Вернулась с кладбища, быстро звоню на пост медсестре: «Как он там?» - «Пятнадцать минут назад умер». Как? Я всю ночь у него. Только на три часа

отлучилась! Стала у окна и кричала: «Почему? За что?» Смотрела на небо и кричала... На всю гостиницу... Ко мне боялись подойти... Опомнилась: напоследок его увижу! Увижу! Скатилась с лестницы... Он лежал еще в барокамере, не увезли... Последние слова его: «Люся! Люсенька!» - «Сейчас прибежит», - успокоила медсестра. Вздохнул и затих...

Уже я от него не оторвалась... Шла с ним до гроба... Хотя запомнила не сам гроб, а большой полиэтиленовый пакет... Этот пакет... В морге спросили: «Хотите, мы покажем вам, во что его оденем».

Хочу! Одели в парадную форму, фуражку наверх на грудь положили. Обуть не обули, не подобрали обувь, потому что ноги распухли... Парадную форму тоже разрезали, натянуть не могли, целого тела уже не было... Все - рана... В больнице последние два дня... Подниму его руку, а кость шатается, болтается кость, тело от нее отошло... Кусочки легкого, кусочки печени шли через рот... Захлебывался своими

отлучилась! Стала у окна и кричала: «Почему? За что?» Смотрела на небо и кричала... На всю гостиницу... Ко мне боялись подойти... Опомнилась: напоследок его увижу! Увижу! Скатилась с лестницы... Он лежал еще в барокамере, не увезли... Последние слова его: «Люся! Люсенька!» - «Сейчас прибежит», - успокоила медсестра. Вздохнул и затих...

Уже я от него не оторвалась... Шла с ним до гроба... Хотя запомнила не сам гроб, а большой полиэтиленовый пакет... Этот пакет... В морге спросили: «Хотите, мы покажем вам, во что его оденем».

Хочу! Одели в парадную форму, фуражку наверх на грудь положили. Обуть не обули, не подобрали обувь, потому что ноги распухли... Парадную

форму тоже разрезали, натянуть не могли, целого тела уже не было... Все - рана... В больнице последние два дня... Подниму его руку, а кость шатается, болтается кость, тело от нее отошло... Кусочки легкого, кусочки печени шли через рот... Захлебывался своими

Нас специально обманули... Чтобы мы не кричали, не плакали...

Перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект

Ни один размер обуви невозможно натянуть... Положили в гроб босого...

внутренностями... Обкручу руку бинтом и засуну ему в рот, все это из него вытребаю... Это нельзя рассказать! Это нельзя написать! Это все такое родное... Такое любимое... Ни один размер обуви невозможно было натянуть... Положили в гроб босого...

На моих глазах... В парадной форме его засунули в целлофановый мешок и завязали... И этот мешок уже положили в деревянный гроб... А гроб еще одним мешком обвязали... Целлофан прозрачный, но толстый, как клеенка... И уже все это поместили в оцинковый гроб... Втиснули... Одна фуражка наверху осталась...

Съехались все... Его родители, мои родители... Купили в Москве черные платки... Нас принимала чрезвычайная комиссия. И всем говорила одно и то же, что отдать вам тела ваших мужей, ваших сыновей мы не можем, они очень радиоактивные и будут похоронены на московском кладбище особым способом. В запаянных цинковых гробах, под бетонными плитами. И вы должны этот документ подписать... Если кто-то возмущался, хотел увести гроб на родину, его убеждали, что они, мол, герои и теперь семье уже не принадлежат. Они уже государственные люди... Принадлежат государству.

На кладбище нас окружили солдаты... Шли под конвоем... И гроб несли... Никого не пустили... Одни мы были... Засыпали моментально. «Быстро! Быстро!» - командовал офицер. Даже не дали гроб обнять... И - сразу в автобусы...

Мне было двадцать три года...

Через два месяца я приехала в Москву. С вокзала - на кладбище. К нему! И там, на кладбище, у меня начались схватки... Только я с ним заговорила... Вызвали «скорую»... Мне показали... Девочка... «Наташенька, - позвала я. - Папа назвал тебя Наташенькой». На вид здоровый ребенок. Ручки, ножки... А у нее был цирроз печени... В печени - двадцать восемь рентген... Врожденный порок сердца... Через четыре часа сказала, что девочка умерла... И опять, что мы ее вам не отдадим! Как это не отдадите?! Это я ее вам не отдам! Вы хотите ее забрать для науки, а я ненавижу вашу науку! Ненавижу! Она забрала у меня сначала его, а теперь еще хочет... Не отдам! Я похороню ее сама. Рядом с ним... (Молчит.)

Все не те слова вам говорили... Не такие... Нельзя мне кричать после инсульта. И плакать нельзя. Потому и слова не такие... Но скажу... Еще никто не знает... Когда я не отдала им мою девочку... Нашу девочку... Тогда они принесли мне деревянную коробочку: «Она - там». Я посмотрела... Ее запеленали... Она в пеленочках... И тогда я заплакала: «Положите ее у его ног Скажите, что это наша Наташенька».

...Родила мальчика. Теперь у меня есть кто-то, кем я дышу и живу. Он прекрасно все понимает: «Мамочка, если я уеду к бабушке на два дня, ты дышать сможешь?» Не смогу! Боюсь на день с ним разлучиться. Мы шли по улице... И я, чувствую, падаю... Тогда меня разбил инсульт... Хватанула его за руку. У него рука долго была синяя. Теперь выходим из дома: «Мамочка, только не хватай меня за руку. Я никуда от тебя не уйду». Он тоже болеет: две недели в школе, две дома с врачом. Вот так и живем. Боимся друг за друга. А в каждом углу Вася. Его фотографии... Ночью с ним говорю и говорю...

Людмила Игнатенко, жена погибшего пожарного Василия Игнатенко

Фото Владимира Блинова

ПОДВЕРГНУВ ВСЮ СТРАНУ ЭКСПЕРИМЕНТУ, МИНАТОМ ВРЕТ И НАМ, И ПРЕЗИДЕНТУ

Как известно, в прошлом году были приняты законы, разрешающие ввозить в Россию отработанное ядерное топливо (ОЯТ) зарубежного происхождения. Уже тогда было очевидно, что затея эта не принесет стране никакой пользы, а только прямой вред.

Передо мной — отчет Счетной палаты о проверке выполнения федеральной целевой программы «Обращение с радиоактивными отходами и отработавшими ядерными материалами», направленный в Государственную Думу Сергеем Степашиным 25 января. В целом состояние с РАО и ОЯТ оценивается Счетной палатой как **кризисное**.

Фракция «ЯБЛОКО» последовательно выступала с резкой критикой этих законов, разрешающих ввозить в Россию ОЯТ. Ни депутаты, ни правительство, ни президент тогда не прислушались к нашим аргументам. Сегодня, по прошествии девяти месяцев, мы представляем неопровержимые доказательства по каждому из них.

Наши аргументы против ввоза ОЯТ

В числе аргументов, которые мы выдвигаем, были следующие.

1. **Минатом до сих пор не научился обращаться с радиоактивными отходами (РАО).** Эта проблема никогда не числилась в приоритетах атомного ведомства. Технологии работы с РАО находятся на допотопном уровне. И это — в стране, где собственных отходов скопилось суммарной активностью на шесть миллиардов кюри. А в результате ввоза в Россию иностранного ОЯТ их станет намного больше.

2. **Нет никаких гарантий того, что деньги, полученные от сделок, пойдут на строительство необходимых хранилищ и реализацию экологических программ.** Ведь атомное ведомство и

сегодня имеет немалые доходы. Почему же они сегодня хотя бы частично не направляются на утилизацию отечественных РАО? И где гарантии, что Минатом будет направлять на эти цели средства от ядерных сделок? Поправки «ЯБЛОКА», направленные на создание таких гарантий, были отвергнуты. Скорее всего, говорили мы, эти деньги будут разбазарены и (или) разворованы.

3. **Решение о ввозе зарубежного ОЯТ резко увеличивает количество мишеней для ядерных террористов** — как доморощенных, так и международных. А состояние физической защиты наших ядерных объектов оставляет желать много лучшего.

Хотели, как лучше...

В уже упомянутом отчете Счетной палаты о проверке выполнения федеральной целевой программы «Обращение с радиоактивными отходами и отработавшими ядерными материалами», черным по белому написано, что **Минатом «не смог преодолеть ведомственный подход к проблеме, организовать перспективное планирование и продуманный отбор работ, обеспечить финансирование и выполнение приоритетных направлений».**

В стране, по утверждению Счетной палаты, отсутствуют Государственная концепция и законодательная база по обращению с РАО (соответствующий законопроект многократно отклонился Президентом, со дня на день Дума снимет его с рассмотрения). Отсутствует и ответственный за это орган исполнительной власти. Все это «существен-

но ограничивает возможности страны по привлечению международной финансовой помощи с целью решения этой проблемы».

Где доходы от отходов?

Тема международной помощи плавно подводит нас к вопросу о **разбазаривании и разворовывании средств** в системе Минатома. Аудитор счетной палаты беспристрастно констатирует, что «по имеющимся данным, в 1998-2000 годах в виде международной помощи на финансирование работ по обращению с радиоактивными отходами от иностранных государств и организаций было получено более 270 млн. долларов США. Учет внебюджетных средств (в рублях и валюте), привлеченных через различные организации для реализации программы РАО, в Минатоме не ведется и в отчетности не отражается». Отметим, что это только — «по имеющимся данным». Тем самым аудитор Бесхмельницын дает понять, что объем средств, девшихся неизвестно куда, намного превышает указанную сумму. Комментарии, как говорится, излишни.

На грани катастрофы

Наконец, **проблема защиты от терроризма.** Шесть лет назад вступил в силу закон «О финансировании особо радиационно опасных производств и ядерно опасных производств и объектов», предусматривающий финансирование их систем безопасности на 100% из бюджета. Счетная палата утверждает, что закон не выполняется. Мы готовы это подтвердить. Работая над поправками к бюджету на 2002 год, мы провели выборочную проверку финансирования систем безопасности ядерных объектов. С этой целью я даже специально приезжал на

расположенный в Красноярском крае Железногорский горно-химический комбинат. Выяснилось, что, несмотря на прямое требование закона, реальные потребности финансирования систем безопасности ГХК покрываются лишь на 10-20%. С другими объектами дело обстоит еще хуже. Мы предложили в срочном порядке выделить на эти цели в бюджете два миллиарда рублей: после терактов в США казалось логичным усилить охрану сооружений, которые могут стать мишенями для террористов. Поразила реакция атомных чиновников, которые обещали прислать, но так и не прислали нам справки, необходимые для обоснования нашей поправки в бюджет. В результате запрошенная нами сумма была сокращена в два раза. А в феврале нынешнего года на парламентских слушаниях по проблемам экологической безопасности представитель Минатома заявил, что на объектах, принадлежащих его ведомству, проблем ни с утечками, ни с безопасностью нет. Президенту поспешили заявить, что с этим у нас все спокойно. Следовательно, дополнительного финансирования на эти цели не требуется...

После проникновенной речи представителя Минатома в Госдуме я вновь побывал в Железногорске. Группе из нескольких человек, в которую входил и я, удалось беспрепятственно совершить прогулку по вроде бы закрытой территории комбината и дойти до хранилища отходов. Будь на нашем месте террористы Хаттаба или бен Ладена — не миновать беды страшнее Чернобыля.

С. Митрохин, депутат Государственной Думы, фракция «ЯБЛОКО».

ПОЛЕЗНЫЙ СПРАВОЧНИК ОТХОЖИХ МЕСТ

При нынешнем состоянии с ядерной безопасностью в России катастрофа возможна практически в любом ее регионе. Вот самые «болевые» точки страны:

Амурская область. В рамках Федеральной целевой программы модернизации региональных спецкомбинатов «Радон» Минатом должен выделять средства на реконструкцию Благовещенского комбината. Но программа не выполняется, емкости на сегодня практически заполнены.

Астраханская, Ивановская, Пермская области и Якутия. На этих территориях высок риск возникновения радиационных аварий, радиоактивного загрязнения и переоблучения населения. Причина: неудовлетворительное финансирование и недостатки в использовании бюджетных и внебюджетных средств.

Вологодская область. В 1996 году на границе Костромской и Вологодской областей, в районе станции Буй, была задержана железнодорожная платформа, на которой перевозилась закись-окись урана. Из за сильного удара контейнеры со смертоносным грузом были серьезно повреждены. Платформа шла транзитом по железной дороге в Санкт-Петербург.

Воронежская область. На Нововоронежской АЭС в 90-е годы зафиксировано два серьезных инцидента. В 1996 году был сбой системы управления и защиты реактора и системы внутриреакторного контроля. Персонал перестал получать объективную информацию о состоянии реактора. В 1998 году обнаружены трещины на сварном шве парогенератора — причина в их длительной эксплуатации!

В Кемеровской области в ноябре прошлого года произошла авария, связанная с транспортировкой ядерных отходов. Литерный поезд с отходами шел по обычному пути и повредил его. Через четыре часа там же пошел другой поезд, который перевозил цистерны с соединениями хлора. Один из вагонов перевернуло.

Красноярский край. На территории края расположен Железногорский горно-химический комбинат. Именно там предполагается постро-

Прочти и передай товарищу

ить завод по переработке ОЯТ, завозимого со всего мира. При этом система безопасности уже существующего производства финансируется лишь на 10-20% от потребностей.

Мурманская область. Хранилища Мурманского спецкомбината «Радон» не модернизировались с 1960 года, технологии морально устарели. Кроме того в 1993 году в Мурманске-60 «перепутали» контейнеры — вместо пустого под погрузку был подан контейнер с отработавшими тепловыделяющими элементами активной зоны реактора подводной лодки. Произошло переоблучение персонала.

Новосибирская область. Самый опасный объект — Новосибирский завод химконцентратов.

В 1994 и 1995 на территории предприятия, которое производит топливо для атомных реакторов вспыхивали пожары. В 1997 году на заводе произошла неконтролируемая цепная реакция. Ее вспышки продолжались двое суток.

Приморский край. В 1985 году на судоремонтном заводе в Шкотово-22 при перезарядке активных зон реакторов подводной лодки произошла неуправляемая ядерная реакция. Десять человек тогда погибли, двести девяносто подверглись облучению. Радиацией было заражено побережье и акватория.

Ростовская область. В результате невыполнения Федеральной целевой программы, связанной с модернизацией региональных спецкомбинатов «Радон», емкости на Ростовском комбинате сегодня практически заполнены. Прием отходов прекращен.

Саратовская область. На Балаковской АЭС даже в благополучные советские времена случались серьезные аварии. Так, в 1985 году при разрыве трубопровода на станции погибли 13 человек. В 1987-1991 годах на АЭС выходили из строя парогенераторы. В 1997 году произошло радиоактивное загрязнение кровли машинного зала.

Свердловская область. Самые опасные объекты Свердловской области — Белоярская АЭС и Уральский электрохимический комбинат, занимающийся обогащением урана. Серьезные инциденты были в прошедшем десятилетии на обоих. На Белоярской АЭС в 1992 году из-за халатности персонала было затоплено помещение обслуживания насосов хранилища жидких отходов. Последний инцидент на Белоярской АЭС произошел совсем недавно — 29 января была обнаружена неисправность на единственном работающем блоке.

На электрохимическом комбинате в апреле 1995 года произошло газовыделение урана, причиной которого стала разгерметизация фильтра и забытые технологические коммуникации. В 1999 году на комбинате произошел взрыв жидкого кислорода. Рядом находилась емкость, содержащая соединения урана.

Татарстан. При переработке ОЯТ получается годное к вторичному использованию плутониевое МОХ-топливо — исключительно

опасное для окружающей среды и работающего с ним персонала. Сжигать его будут неподалеку — на строящейся Башкирской АЭС.

Стройка ведется в поселке Агидель на границе с Актанышским районом Татарстана. Низкоактивные отходы будут стекать в Каму. Высокоактивные — храниться неподалеку. Идут разговоры и о возобновлении строительства Татарской АЭС.

Тверская область. На Калининской АЭС в прошедшем десятилетии был зафиксирован целый ряд инцидентов. Самый серьезный в 1990 году, когда на крышу деаэрационной этажерки и машинного зала блока №1 пролилось 20 кубометров радиоактивной воды. Затем эта мертвая вода попала в озеро Песью.

Томская область. Сибирский химический комбинат — крупнейшее в мире предприятие по производству оружейного плутония. За сорок лет работы комбината зарегистрировано около тридцати аварийных инцидентов. Самая серьезная авария произошла в апреле 1993 года, когда произошло радиоактивное загрязнение более чем ста квадратных километров территории. Если бы радиоактивное облако двинулось в сторону пятисотысячного Томска, последствия могли бы быть сравнимыми с Чернобылем.

Удмуртия. В Глазове расположен Челябинский механический завод — предприятие ядерного топливного цикла. В 1992 году на рынке Ижевска трое человек пытались продать материалы изготовленные из урана. По результатам проверки оказалось, что пропало 300 кг урана. В 1999 году на железной дороге был задержан вагон, из которого свисал контейнер. Как оказалось, в контейнере был концентрат природного урана(!).

Челябинская область. С 1990 года на «Маяке» отмечено как минимум 19 инцидентов. В 2000 году комбинат был на полтора часа отключен от электроснабжения. Энергетика региона находится в кризисном состоянии и не смогла обеспечить бесперебойную подачу электричества.